

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Философия

УДК 001.38

DOI: 10.17223/1998863X/60/19

И.Т. Касавин

НАУКА КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 19-18-00494
«Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание»
И.Т. Касавиным, руководителем проекта и президентом Русского общества
истории и философии науки.

Согласованность науки с ценностями гуманизма и гуманистический вклад науки в общественное развитие – две стороны проблематизации науки как общественного блага (public good). Насколько наука в силу ее особенной природы является благом для всего остального общества? И какое это благо – интеллектуальное, утилитарное или моральное? В какой мере общество – государство, частный капитал или отдельные люди – имеет права на науку как принадлежащую ему собственность? Какой человек делает науку и пользуется ее дарами?

Ключевые слова: наука как общественное благо, научное знание, гуманизм, этика науки, политэкономия науки, научное сообщество.

Наука как когнитивное благо

«Все люди от природы стремятся к знанию», – гласит первая фраза «Метафизики» Аристотеля. Главное гуманитарное предназначение науки состоит в производстве знания. Тем самым наука обеспечивает то самое напряжение, которое философы называли любопытством, удивлением, а то и любовью к мудрости. Знание ценно, по Аристотелю, само по себе, безотносительно к утилитарным задачам, поскольку именно его поиск формирует человека. Все типы знания, которые Аристотель выделяет, по-разному выполняют эту гуманитарную функцию. Phronesis указывает человеку путь к правильному поведению. Empeiria учит опираться на чувственный опыт. Мнения людей содержат крупинки истины, и те, кто не располагает иными средствами, должен руководствоваться доха. Искусный мастер владеет techne, и в этом его преимущество перед другими. Философ же, возвысившийся до знания причин, т.е. episteme, постигает и ценность знания самого по себе, и смысл всех иных, низших типов знания. Сходным образом Фрэнсис Бэкон проводил различие между светоносными и плодоносными опытами (experiments of light and experiments of fruit). Первые, воплощающие в себе знание причин, являются условием вторых, направленных на решение утилитарных задач. Оба мыслителя понимали, что только высший тип знания содержит в себе как образ ре-

альности, так и образ самого знания, критерии его совершенства: в противном случае владеющий *episteme* не знает об этом, что абсурдно. И Аристотель, и Бэкон не только ставили на первое место «чистую» науку, но и ученого, философа, овладевшего ей, рассматривали как совершенную личность.

Эти идеи нашли последовательное развитие у философов Просвещения. Они значительное место уделили разоблачению заблуждений и несовершенству когнитивных способностей человека вообще. Однако идея *lumen naturale* (Р. Декарт) превалировала в классической эпистемологии, трактовавшей отклонение от «естественного света разума» как случайное нарушение порядка природы, предустановленного единства человека с природой и богом. Говоря современным языком, классическое представление о ценности знания состоит в том, что именно знание запускает и обеспечивает возвращение человека к собственной сущности, т.е. процесс интеллектуального развития, пусть оно и происходит в разных формах.

В чем же ценность знания с точки зрения современной философии, наиболее выпукло заявившей о себе в постмодернизме? Мы отвлекаемся здесь от существенных различий между концепциями таких авторов, как Ж.-Ф. Лиотар, З. Бауман, М. Фуко, Ж. Делез, Э. Гидденс, и др. Их расхождения, касаясь в большей степени *оценки* современности и способов разрешения свойственных ей проблем, соседствуют со сходным *описанием* ситуации постмодерна. Это новое общественное состояние в целом представляется как кризис норм и ценностей, метанарративов, авторства и субъектности, в основе которого крах прежних эпистемических стандартов, того, что Ж. Деррида именует «логоцентризмом», или фундаментом. Отсюда и главная задача философии – критика знания.

При этом каждому эпистемологу следует помнить замечательное предостережение Гегеля против перекосов критицизма, которое нельзя не процитировать целиком. «Одна из главных точек зрения критической философии состоит в том, что, прежде чем приступить к познанию бога, сущности вещей и т.д., должно подвергнуть исследованию самую способность познания, чтобы убедиться, может ли она нам дать познание этих предметов, следует де познакомиться с инструментом раньше, чем предпринимать работу, которая должна быть выполнена посредством него; если этот инструмент неудовлетворителен, то будет напрасен потраченный труд. – Эта мысль казалась такой убедительной, что она вызвала величайшее восхищение и все с нею соглашались, так что познание, отвлекшись от своего интереса к предметам и перестав заниматься ими, обратилось к самому себе, к формальной стороне. Если, однако, не обманывать себя словами, то легко увидеть, что в то время как другие инструменты могут быть исследованы и оценены иным способом, чем посредством выполнения той работы, для которой они предназначены, исследование познания возможно только в процессе познания и рассмотреть так называемый инструмент знания значит не что иное, как познавать его. Но желать познавать до того, как познаем, так же несуразно, как мудрое намерение того схоластика, который хотел научиться плавать прежде, чем броситься в воду» [2. С. 27–28].

Характерно, что дискурс постмодернизма идет параллельно своему оппоненту, критическому рационализму, фактически повторяя его главный тезис фоллибилизма, принципиальной ошибочности всякого знания. Оба эти

направления, избирая главным методом критику и деконструкцию, пересматривают их статус. Критика отныне не является формой пропедевтики, как это было в классической эпистемологии. Напротив, этот метод обладает самоценностью: во всякое знание (научное в том числе), т.е. в описание, объяснение, предвидение, встроена его критика, а потому оно оказывается в значительной мере неопределенным и ошибочным. Это является его устойчивой, едва ли не субстанциальной характеристикой. Тем самым эпистемология постмодернизма демонстрирует своеобразный возврат к критикуемому фундаментализму, пусть и с обратным знаком. Если знание вообще может обладать какой-то ценностью, то она негативна, т.е. состоит в способности знания обернуться на самое себя и понять его как свое иное. Иными словами, ценность знания в том самом, что для классической эпистемологии знанием не является и одновременно сохраняет неутилитарный характер.

Знание в современном смысле – это критика знания. Оно усматривается в обнаружении когнитивных разрывов, обманчивости и пустоты знака, амбивалентности любого высказывания, бесконечной незавершенности всякого текста. В знании нет успокоения, оно лишь обнажает многочисленные риски человеческого существования. Современный образ знания возвращает нас к истории Эдипа, трагедия которого обязана его неустанному поиску истины и собственного предназначения. Наука не только открывает нам глаза на величественный порядок природы. Она также показывает, что в мире для человека «нет знамений», а человек заброшен в этот безжалостный мир, в котором нужно жить, будто ты бессмертный. Отныне знание – не гранитная пирамида, возвышающаяся над пустыней невежества, скорее, его символ – это утлый плот в океане реальной жизни.

Наука как политико-экономическое благо

Однако знание имеет не только собственно эпистемическое, негативно-критическое измерение. Многочисленны свидетельства позитивной и утилитарной ценности науки, а также основанной на ней техники. Более того, современная наука фактически преодолела разграничение светоносных и плодотворных опытов. Знания и блага, которыми располагают люди в наше время, едва ли подлежат четкому разделению на интеллектуальные и утилитарные. Само понятие утилитарности требует переосмысления. Знание становится утилитарным, постольку окружающие человека предметы содержат в свернутой форме технологические, социологические и антропологические знания, но также потому, что для правильного использования этих предметов желательно или даже необходимо определенное знание об их функциях и устройстве. По этой же причине материальные блага оборачиваются своей интеллектуальной стороной. Здоровье, правильное питание, жизненный комфорт, достойные условия труда – все это при внимательном отношении перестало быть банальными и самоочевидными понятиями, превратившись в интеллектуальные вызовы.

К примеру, в традиционных культурах здоровье и благополучие символизирует избыточная полнота человека, который ест много и сытно. В современной культуре, напротив, здоровье требует поистине интеллектуального сопровождения. Иначе не понять и не достичь того, что называется «необходимой физической нагрузкой», «психической устойчивостью», «здоровым

питанием» и «квалифицированным медицинским обслуживанием». Известно, что отсутствие современных условий жизни часто препятствует развитию человека, духовному в том числе. Полемически заостряя, можно сказать, что достойные бытовые условия сами по себе не гарантируют высокого интеллектуального развития и нравственного поведения. Однако и одних денежных средств для обеспечения человека такими условиями недостаточно, необходим определенный уровень интеллектуального и даже научного развития. Осмысленная трата значительной суммы требует настоящих изысканий в области финансовых инструментов, строительства и девелопмента, автомобилестроения, мебельной технологии или офисной техники. Приключения в области быта постоянно сталкиваются с «парадоксом эксперта», или «трилеммой Мюхгаузена» [3. С. 15], которые описывают процесс бесконечного обоснования в науке. В иронической формулировке парадокс может быть эксплицирован так: перед приемом у врача нужно проконсультироваться у другого врача. В этом смысле условия, которые раньше трактовались как удовлетворяющие биологическим потребностям человека, сегодня приобретают культурное содержание. А сами потребности эволюционировали настолько, что так называемые искусственные, вторичные или заимствованные потребности заслонили собой все другие. Человеческая жизнь окультурена знанием, которое объективировано в окружающих его техносотциальных артефактах. Фраза Аристотеля о знании как изначальном стремлении человека прозвучала в Античности в качестве утверждения ценности идеального мира. Как выясняется, она в значительно большей степени относится к нашему времени в качестве описания современной высокотехнологичной и информационной реальности.

Ценность знания, впрочем, не в полной мере осознается в условиях общедоступности поверхностной информации и высоких трудовых затрат на освоение подлинного знания. Лишь в серьезных жизненных и социальных ситуациях на авансцену истории выходят профессионалы, наглядно демонстрирующие способность разрешать крупные и мелкие кризисы, в которые постоянно попадает человек и общество в целом. Как, например, изменилось отношение к медицинской профессии и науке под влиянием пандемии COVID-19? Биологи и врачи превратились в медиафигуры, телезвезды, мнения которых расхватывают на цитаты и превращают в мемы. Не станет сюрпризом, если многие из них сделают политическую карьеру или будут удостоены почетных наград и премий.

Итак, благодаря знанию возникает дуализм идеального и реального миров. Наука же дает не только знание, но и особую технологию, инструмент властного отделения знающих от незнающих. Благодаря своей способности делить людей на знающих и незнающих, *наука производит справедливую систему неравенства*, социальную стратификацию, без которой нет развития. Эту мысль обосновывает М. Каллон в форме тезиса «Наука как общественное благо». Он показывает, что к науке нельзя подходить как обычному продукту общественного производства, существующему и оцениваемому по экономическим, рыночным законам и стандартам [4]. Неверно представлять науку как некоммерческий феномен, не представляющий интереса для приватизации, а потому и финансируемый как общественное благо по остаточному принципу. Ведь наука – это «пятая власть», и в обществе знания умное государство

делает науку своим приоритетом. Так же ошибочно сводить науку к ее прикладным результатам, подлежащим тотальной приватизации в силу своей быстрой доходности. Для недальновидного хищнического бизнеса наука с ее непредсказуемыми открытиями так же неинтересна, как и живопись со своими непонятными картинами, хотя в перспективе они могут принести огромные прибыли. Научное знание самоценно, но одновременно именно оно же является важнейшим ферментом культурной и общественной динамики, без которой наступает тотальная стагнация и в экономической жизни. Производство наукой когнитивного разнообразия есть условие современного общественного развития. Отсутствие монополии на науку, баланс общественной и частной собственности в науке, определяемый развитостью института науки и институтов гражданского общества, делает науку благом для всех – для производителей знания и его потребителей, для инвесторов и спонсоров, для нынешних и грядущих поколений.

Подчеркнем, что это благо особого, отнюдь не благодетного рода. Общество вынуждено давать большой кредит доверия науке, чтобы та в свою очередь принесла обществу в дар свои знания. Более того, чтобы приносить общественное благо, наука должна встать на позицию социального критицизма и обрести автономию от «плохого общества». Наука, достигая статуса политического субъекта, сама формирует свои приоритеты. Так политическая философия науки проясняет внешнюю задачу этики науки.

Наука как моральное благо

В чем состоит и как обеспечить добросовестность ученых, их солидарность, с одной стороны, и неутилитарное и благотворное влияние науки на общество – с другой? Современная наука – это очень большое предприятие, Big Science, и массивы информации, количество людей, которые в этой науке фигурируют, огромны. Сегодня высшее образование распространено как никогда широко. Однако люди, работающие в современной науке, не проходят такого отсева на верность призванию, на добросовестность, который преодолевали ученые люди Нового времени. Помимо всего, наука как социальный институт и государственные службы, управляющие наукой, продуцируют и детализируют нормы и критерии эффективности научных исследований. В силу этого научная деятельность подлежит постоянной нормативной оценке. В отсутствие норм нельзя обнаружить и отклонения от нормы, но поскольку норм огромное количество, то и отклонения умножаются многократно. Наконец, наука существует в обществе, где коррупция, авторитаризм, манипуляция, идеологический диктат, недобросовестность, корыстолюбие стали социологически фиксируемой нормой жизни. Эти социальные пороки транслируются в науку. Поэтому и мораль как идеал бескорыстного свободного выбора уступает место следованию социальным стандартам. Но если из науки окончательно исчезнут примеры морального героизма, то она утратит свой особый эпистемический статус. Ведь служение истине невозможно без предъявления себе высоких моральных норм. Истина – не государственная премия, она не тождественна открытию нового, успеху и наградам; это бесконечная перспектива заблуждений, постоянной неуверенности, самокритики и ответственности. Человек, избравший путь истины в качестве призвания, преодолевает искушения ее обманчивыми сиюминутными образами – эмпи-

рической достоверностью, логическим доказательством, научным консенсусом, социальным признанием. Мужественно следуя по этому пути, ученый приносит себя в жертву истине. Пусть в науке как социальном институте профессия доминирует над призванием. Тем важнее сопротивление такому доминированию со стороны неформального морального кодекса ученого, обеспечивающего экзистенциальный смысл его деятельности.

В качестве аутентичной самоидентификации ученого, его осознания себя в качестве особенной личности выступает призвание. Будучи, как правило, результатом научной социализации, призвание на уровне индивидуального сознания сопровождается переживанием избранности, персонального призыва к науке как дара свыше – «я призван в отличие от других». *Наличие призвания примиряло с отсутствием признания*, оправдывало в глазах ученого его изоляцию, недостаток социального статуса. Каким же образом научное призвание становилось общественной силой и позволяло человеку перераспределять социальные роли и статусы в свою пользу? В Новое время этому способствовал расцвет мифа науки, т.е. начало масштабной кампании за социальную ценность науки и повышение общественного веса личности ученого. Ф. Бэкон, инициатор этой кампании, наряду с аргументами к «плодоносным опытам», апеллировал к более высоким «светоносным опытам». Он понимал власть знания не столько прагматически-приземленно, сколько в духе будущей эпохи Просвещения. Человек науки, усмиривший «идолов разума» и овладевший своей природной сущностью, становится примером для всего общества, которое отныне может быть перестроено на научной основе. Ученый, преодолевая ужас перед бескрайним мирозданием, побеждает и страх личной вины и ответственности. Отныне он уже может сказать, вслед за И. Кантом: «Две вещи наполняют душу удивлением и благоговением, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Страх силен лишь тем, что обращает сознание субъекта на него самого, заставляя прислушиваться к каждому движению души, к малейшему телесному ощущению. Но для творческого субъекта, выходящего за свои пределы, становится важно то, что снаружи, а не внутри. Беззаветно стремясь к истине, ученый осуществляет моральный поступок – приносит себя в жертву. Приобретая путем тяжелого труда новое знание, он бескорыстно открывает человечеству неведомые континенты иных миров.

Однако современная наука, по всей видимости, противится такому истолкованию. Для большинства она является одной из многих современных профессий, в которых интеллектуальная и организационная деятельность совмещается с ручным трудом. Одни науки ближе инженерной практике, другие – художественному творчеству, третьи – оккультной эзотерике. Для внешнего наблюдателя часто остается непонятным, почему занятия наукой относительно неплохо оплачиваются. Ведь создавая и предоставляя обществу знания, ученый нередко производит некий эфемерный, бестелесный продукт – не печет булок, не тачает сапоги, не кует мечи. И все же при ближайшем рассмотрении наука дарит обществу значительно больше, чем получает от него. Выдающиеся открытия и изобретения изменяют жизнь человечества и тем самым далеко превосходят вложенные в них средства. Распространение и использование знания не только не растрчивает, не амортизирует его, но, напротив, способствует его углублению и обогащению. Когнитивная цен-

ность достоверного знания со временем лишь возрастает, поскольку над ним надстраиваются будущие открытия и изобретения. И даже заблуждения, опровергнутые теории и неудачные эксперименты обладают своего рода ценностью, предупреждая о пройденных тупиковых путях или еще нереализованных альтернативах. История познания есть кладовая интеллектуальной роскоши, бездонный ресурс, источник будущей культуры, благосостояния и безопасности. Принимая этот дар, общество оказывается в неоплатном долгу перед наукой. Этот дар нельзя отвергнуть без угрозы экономического застоя, не говоря уже о нравственном и интеллектуальном вырождении.

Одновременно ученый попадает в круг обязательств перед одаряемыми и самим собой. На него падает ответственность за подлинность и ценность дара, за возможность его понять, распространить и использовать, за приоритет его перед другими дарами. Тем самым жизнь ученого превращается в гонку за статусом главного дарителя, высшей мечтой которого является полное одиночество на вершине. Так миф науки включает в себя счастье призвания, одаренности, творчества наряду с трагедией неприкаянности, непризнанности, бездарности. Ведь современное научное сообщество и общество в целом преодолели и отвергли «экономику дара», о которой пишет М. Мосс [5] применительно к традиционному обществу. Причина этого, однако, не только в распространении рыночной экономики. Большинство не может принять дар знания именно потому, что он отделяет знающих от незнающих. Для людей, не причастных научному призванию, такой дар оказывается тяжким грузом. Они не способны к научной скромности, убеждающей в преобладании незнания перед знанием. Им чуждо интеллектуальное мужество, которое не ориентировано на достижение когнитивного благополучия. Лишь немногим свойственно достоинство дарителя перед лицом несправедливости и непризнания со стороны одаряемых. Не удача, не успех, но, напротив, испытание общественным безразличием или даже враждебностью к истине – вот подлинный «путь пахаря» на поле науки. Дистанция между бескорыстием научного призвания и утилитарностью научной профессии, между знающими и неосведомленными демонстрирует возможность знания быть общественной силой.

Человек, отдаваясь научному призванию, служа науке, отрекается от себя, жертвует собой, дарит себя, выходит за свои пределы. И он же воплощает себя в призвании, достигая подлинности бытия. Ученый отстаивает свою идею, защищает свою теорию перед лицом других ученых и предлагает обществу новое знание, обрекая себя на критику и непонимание. И он же, выполняя миссию науки по расширению когнитивного многообразия, служит социальному прогрессу. Наука – это рискованный способ реализации призвания и общественной миссии интеллектуала.

Наука – гуманистический проект

Взгляд на науку как способ общения, как фрагмент культурной истории, как моральный вызов есть путь понимания человеческого измерения научной деятельности. Выдвигая науку в качестве *гуманистического проекта*, мы ставим вопрос о том, как и насколько наука в состоянии соответствовать ценностям гуманизма, а сам гуманизм согласуется с пафосом научного поиска. Сегодня размышления о гуманизме нередко идут в русле анализа концепций пост- и трансгуманизма. В особенности так происходит при связывании

гуманизма с современной наукой. Тогда проблематика гуманизма фактически отождествляется с новой перспективой философской антропологии, т.е. взглядом на будущее человека сквозь призму науки и техники наших дней. Тогда вопрос о гуманизме оказывается в зависимости от другого непростого вопроса о природе современности, в которой мы живем и которая во многом определяет наше будущее. Философия, о чем бы она ни говорила, всегда говорит о человеке. Что значит быть *современным человеком* – вот главный вопрос сегодня.

В эссе «О назначении ученого» И. Фихте пишет о том, что философия начинается с вопроса о человеке как таковом, но заканчивается проектом особенного человека, лучшего из людей – человека науки, ученого, *des Gelehrten* [6]. Этот, по видимости, нескромный и даже излишне амбициозный тезис все же следует понимать не как самовосхваление интеллектуала или рекламу науки конца XVIII в., но как выдвижение почти недостижимого идеала. Фихте убежден, что занятия наукой делают людей лучше, а подлинную науку способны развивать лишь лучшие из людей. Вспомним, что в то время наука еще не попала в центр общественного внимания. Шла Французская революция, которая казнила ученых, но вскоре будет в них остро нуждаться. Начиналась промышленная революция, и она требовала развитой техники, но еще предстояло понять, что толчок для ее развития дадут именно научные достижения. Легитимированные папской буллой университеты умирали, и почти никто не связывал их судьбу с наукой. Поэтому Фихте выдвигает свой тезис со всей категоричностью вразрез к тем тенденциям, которые располагались на поверхности общественной жизни. Философ смотрит в корень и через десять лет после И. Канта по-своему отвечает на сакраментальный вопрос «Что такое Просвещение?» Просвещение – это торжество науки как кузницы нового человека, так Фихте расшифровывает и уточняет кантовский ответ. Совершеннолетие человека символизирует собой не просто мужество жить собственным умом, не обыденную самостоятельность мысли, но систематическое занятие наукой, нелегкий и самоотверженный интеллектуальный труд во благо общества.

М. Фуко напоминает нам о многозначности термина «гуманизм» и его сложных отношениях с Просвещением и современностью [7]. Говоря кратко, если гуманистический проект представляет собой лишь экспликацию некоторой догматической системы ценностей, то у него много шансов выродиться в трагедию человеческих судеб. И здесь мы вынуждены взглянуть критически на науку и еще раз задуматься об ее человеческом назначении. Гуманистическое преимущество науки не только и не столько в том, что она открывает нам истину или приносит пользу. Наука заставляет человека мыслить исторически и критически о самом себе и о своей современности, побуждает к археологической раскопке прошлого и генеалогическому дискурсу о будущем, она полагает границы и ищет средства их преодоления. Человек науки – не тот, кто уверовал в собственную современность и в свое личное понимание идеалов гуманизма. Напротив, это тот, кто в своем желании достичь совершеннолетия осознал, что человек как эмпирический субъект никогда не соответствует своему понятию. Современным человеком является лишь тот, кто использует науку в бесконечном поиске самого себя. И потому подлинный гуманизм – это не возвеличивание человека, но приведение его в созна-

ние; не адаптация к условиям, а созидание себя заново; не доктрина, но постоянная критика нашего исторического бытия.

Итоги

В современном обществе наука стала таким же предметом потребления, товаром и услугой, как и многие другие. Именно в этом нередко и видится ее общественное благо. Однако это лишь внешний и банальный ракурс видения науки. В действительности ее ценность может быть понята лишь в результате «распутывания» [8] амбивалентной природы современной науки как знания и института, погруженных в социальный и исторический контекст. Наука как цивилизация отвечает на социальный заказ и создает стоимость, существуя в виде прикладных исследований и реализуя право на интеллектуальную собственность. Наука как культура формирует общественное сознание и потребляет общественные фонды, проводя фундаментальные исследования и питая мировоззренческий бэкграунд современного человека. Наука дарит знание и учит рациональности [9. С. 184–196], но лишает когнитивной невинности и бездумного счастья. Общественное благо, создаваемое наукой, не равно благолепию религиозного собора и сытому блаженству гедониста. Оно нуждается во внимательном и бережном обращении, требует ответственной оценки социальных и техногенных рисков, приобщает к ценностям демократической коммуникации, учит когнитивной скромности и интеллектуальному мужеству. Общественное благо науки несет с собой мощный утопический вызов, призывая вытаскивать себя за волосы из болота повседневности. Чтобы профессия ученого не была низведена до банальной коммерческой услуги, а его индивидуальная жизнь не утратила смысла, хотя бы научная элита должна демонстрировать высокие моральные и когнитивные образцы [10].

Эту утопию науки предстоит продвигать вопреки ошибочности знания, политическим ограничениям и моральной слабости человека. И потому она вполне достойна статуса рискованного философского проекта.

Литература

1. Булгаков С. Философия хозяйства. М. : Ин-т русской цивилизации, 2009. 421 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1974. Т. I. 452 с.
3. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М. : Ad Marginem Press, 1995. 548 с.
4. Albert H. Traktat über kritische Vernunft. Tübingen : J.C.B. Mohr, 1991. 284 S.
5. Mauss M. The Gift. Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. London : Cohen & West, 1966. 160 p.
6. Callon M. Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993 // Science, Technology, & Human Values. 1994. Vol. 19, № 4. P. 395–424.
7. Fichte J.G. Einige Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten. Jena; Leipzig : C.E. Gabler, 1794. 124 S.
8. Foucault M. What is Enlightenment? // The Foucault Reader / ed. by P. Rabinow. New York : Pantheon Books, 1984. P. 32–50.
9. Kasavin I. Science and Public Good: Max Weber's Ethical Implications // Social Epistemology. 2020. Iss. 2. P. 184–196.
10. Шлейермахер Ф. Фрагмент из работы «Нечаянные мысли о смысле немецкого университета» // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 1. С. 215–235.

Илья Т. Kasavin, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science” (Moscow, Russian Federation).
E-mail: itkasavin@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 60. pp. 217–227.

DOI: 10.17223/1998863X/60/19

SCIENCE: A PUBLIC GOOD AND A HUMANISTIC PROJECT

Keywords: science as public good; humanism; scientific knowledge; ethics of science; political economy of science; scientific community.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00494.

The consistency of science with the values of humanism and the humanistic contribution of science to social development are two sides of the problematization of science as a public good. To what extent is science in its specificity a boon to the rest of society? And what is this benefit: intellectual, utilitarian or moral? To what extent does society – the state, private capital or individuals – have the rights to science as its property? What is the person that makes science and enjoys its gifts? While answering these questions, it is necessary to distinguish between two meanings of science as a public good in Russian- and English-language literature. The expression *Nauka kak obshchestvennoe blago* [Science as a public good] in Russian is not identical with the English “Science as a public good”: literal translation does not work. The reason for this disagreement between Russian and English is the difference in attitude to science. In Russian philosophy, the problem is traditionally put in terms of ideological and utilitarian functions of science, while in the phrase (which is not too common) “science as a public good” the emphasis is put on “good”. One speaks about the advantages that science provides to society: the scientific outlook and economic well-being. The value of basic and applied science to society is accepted as something self-evident albeit different. On the one hand, science acts as something speculative, optional for life and detached from it: it is about the ideal value of science as a subject matter of moral discourse. This is dictated by the transcendental-publicistic tradition of Russian philosophy, which was not overcome by Marxist naturalism and pragmatism because of their inconsistency, incompatibility with the practice of “real socialism”. Sergei Bulgakov clearly expressed the *sofiynost*’ [Sophianic nature] of science and at the same time its limitations in his *Philosophy of Economy* (2009). On the other hand, Russian Marxism was close to the utilitarian interpretation of the slogan “Knowledge Is Power”, including Marx’s idea of science as a productive force. In the case of the Western tradition, the focus in this phrase shifts to “public” meaning that fundamental science, unlike applied and educational sciences, cannot be the subject of private interest, because it does not bring profit, and the private interest is treated exclusively in the liberal-economic way. Therefore, no one seeks to privatize and develop science, except those states that commit themselves to financing public funds of consumption and view science as an intellectual value. In some cases, it is residual funding (Russia), in others it is a priority (South Korea). It is in this sense that basic science appears as a “social commodity” that no one buys but receives from the state for free. Therefore, social status is usually relatively low and similar to social welfare – as opposed to wages. Applied science, conversely, is interpreted within the framework of the empirical-pragmatic analytical tradition as the embodiment of experienced and useful knowledge, which promotes the production of goods and is itself the subject of commodity exchange. In this case, science is referred to as a consumer goods object, a commodity, a useful object. This is the position of classical political economy. Adam Smith wrote that much of knowledge is borrowed from other people and from other sources and is acquired in the same way as shoes are bought. This opposition is key to the social existence of modern science as knowledge and social institution. Its resolution requires further clarification of the status of science as a cognitive, political and moral value.

References

1. Bulgakov, S. (1974) *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
2. Hegel, G.V.F. (1974) *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Vol. 1. Moscow: Mysl’.
3. Mamardashvili, M.K. (1995) *Lektsii o Pruste (psikhologicheskaya topologiya puti)* [Lectures about Proust (Psychological Topology of the Path)]. Moscow: Ad Marginem.
4. Albert, H. (1991) *Traktat über kritische Vernunft*. Tübingen: J.C.B. Mohr.
5. Mauss, M. (1966) *The Gift. Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies*. London: Cohen & West.

6. Callon, M. (1994) Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993. *Science, Technology, & Human Values*. 19(4). pp. 395–424.
7. Fichte, J.G. (1794) *Einige Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten*. Jena; Leipzig: C.E. Gabler.
8. Foucault, M. (1984) What is Enlightenment? In: Rabinow, P. (ed.) *The Foucault Reader*. New York: Pantheon Books. pp. 32–50.
9. Kasavin, I. (2020) Science and Public Good: Max Weber’s Ethical Implications. *Social Epistemology*. 2. pp. 184–196.
10. Schleiermacher, F. (2018) Fragment from “Gelegentliche Gedanken über Universitäten in deutschem Sinn Nebst einem Anhang über eine neu zu errichtende”. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(1). pp. 215–235. (In Russian).